

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2019, №1, Том 10 / 2019, No 1, Vol 10 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2019.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK119.pdf>

Статья опубликована 18.02.2019

Ссылка для цитирования этой статьи:

Лазаренко Л.В. К вопросу об эмпирических возможностях использования категории «гетеротопия» в процессе интерпретации литературного произведения (на материале «Итальянского путешествия» И.В. Гёте и «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина) // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №1, <https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK119.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Lazarenko L.V. (2019). On the issue of empirical possibilities of using the category “heterotopy” in the process of interpreting a literary text (on the material of “Italian Journey” by I.V. Goethe and “Letters of a Russian Traveler” by N.M. Karamzin). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 1(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK119.pdf> (in Russian)

УДК 82.09

ГРНТИ 17.07.21

Лазаренко Любовь Витальевна

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)», Москва, Россия

Доцент

Кандидат филологических наук, доцент

E-mail: lazarenko.kashtan@yandex.ru

К вопросу об эмпирических возможностях использования категории «гетеротопия» в процессе интерпретации литературного произведения (на материале «Итальянского путешествия» И.В. Гёте и «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина)

Аннотация. В статье главным объектом исследования является фукольтианская категория гетеротопии, рассматриваемая в ее широком и узком – более эмпирически продуктивном – значении. Самим Фуко гетеротопия была определена лишь «рамочно», им не было разработано непротиворечивой теории пространств. Пожалуй, Фуко только очертил будущую возможную территорию социально-философских исследований, объектом которых могут быть структура, функции, интерпретации местоположений. Использование понятия *гетеротопия* в узком значении опирается на идею сингулярности, указывающей на исключительный статус некоторых топосов внутри социального мира, эти местоположения являются образом или квинтэссенцией определенных механизмов социальности, подчас самих ее основ. В настоящей статье внимание сосредоточено в первую очередь на образах *гетеротопий исключения* как вполне воплощающих узкий смысл понятия и отражающих исходный посыл Фуко об отношении общества и субъекта. Гетеротопия исключения – пространство, в котором происходит субъективация и ресубъективация лица и объективация социальных регламентов в разнообразных практиках, апеллирующих к изъятию, ограничению, управлению поведением индивидов. При этом гетеротопия исключения может быть временным пристанищем, местом посещения, но она всегда сохраняет свою изолированность и специфическую исключительность. Это не просто место, иное по отношению к другим местам, это место, в

котором реализованы в точке критического максимума господствующие внутри той или иной эпохи представления о контроле и порядке, о норме, упрощенной структуре социального мира.

Литература о путешествиях как поле текстов, зачарованных пространствами, выглядит благодатным материалом для диалога о местоположениях, нагруженных устойчивыми социальными смыслами, местоположениях, являющихся особенными по сравнению со многими другими местами, имплицитно воплощающими, моделирующими и воспроизводящими те или иные основания социальности. Возможность использования понятия гетеротопии для критической интерпретации литературного текста были исследованы на материале «Итальянского путешествия» И.В. Гёте и «Писем русского путешественника» Н.И. Карамзина. В процессе анализа главным объектом внимания стало изображение в названных текстах именно гетеротопий исключения.

Ключевые слова: гетеротопия; гетеротопия исключения; социальность; художественное пространство; Гёте; Карамзин; литература о путешествиях

В настоящей статье главным объектом внимания является категория гетеротопии, вошедшая в научный оборот благодаря исследованиям, предпринятым Мишелем Фуко, а также гипотетические возможности и пределы ее использования в процессе анализа литературного текста как социально-культурного феномена. Самим Фуко гетеротопия была определена лишь в первом приближении, им не было разработано целостной и внутренне непротиворечивой философской теории пространств, в принципе, и гетеротопий, в частности, что не повлияло на популярность понятия, которое с конца 20-го столетия стало использоваться весьма активно. Некоторая прозрачность и даже призрачность границ сделала его универсальным, позволив оперировать им при обозначении любых мест, которые не ассоциируются с повседневными социальными практиками. Обратим внимание на следующий комментарий: «Как ни парадоксально, именно эта абстрактность и неопределенность, многократно раскритикованная интерпретаторами Фуко как слабое место его теоретических построений, оказалась ключевым достоинством этой концепции, обеспечив ей свободу применения в самых разных направлениях исследований – от социологии города до культурной антропологии, от гуманитарной географии до теории литературы» [1]. Не согласимся, что возможность введения в разнообразные научные дискурсы основополагающих понятий концепции, в силу ее «неопределенности» можно рассматривать как достоинство данной концепции. В истории же обращения к «интуициям о гетеротопиях» М. Фуко, рискнем предположить, наблюдается процесс изменения содержания исходного понятия, чье смысловое ядро оказалось очерченным недостаточно четко.

В семантическом поле популярного «широкого» значения термина «гетеротопия» можно выделить несколько основных сем: гетеротопии как места осуществления особенных, не являющихся обыденными, социально-культурных практик; гетеротопии как метафорический аналог иного, другого, чужого, малого. Иногда говорят о «действительных» гетеротопиях, то есть пространствах, реальное существование которых мы можем утверждать, и вымышленных гетеротопиях – художественных пространствах, обладающих большей или меньшей степенью миметической точности; к особой категории гетеротопий (в широком смысле) можно отнести и определенные области виртуального пространства. При этом впечатление о некоторой «инобытийности» гетеротопии сопутствует всем обозначенным смыслам. Остаются открытыми вопросы о том, насколько современные истолкования категории «гетеротопия» соответствуют интеллектуальной позиции Мишеля Фуко, а сложившаяся традиция применения позволяет реализоваться ее (категории) эмпирическому потенциалу. Одна из самых известных попыток обоснования использования именно «широкого» и лишённого части фуколянского социально-критического и культурно-

исторического шлейфа понятия «гетеротопия» была предпринята авторами сборника «Heterotopia and the City. Public space in a postcivil society», вышедшего в 2008 году [2]. Отчасти расширенное, отчасти смещенное значение гетеротопии закреплялось, например, в статье М. Чензатти [3], утверждающего, что в современной постфордистской социальной реальности, обретшей отсутствовавшую ранее гибкость и открытость влияниям «снизу», на первый план выступает не исключение и девиация (значительная часть приводимым Фуко примеров гетеротопий может быть отнесена к этой группе), но различие, предлагая вместо разговора о пространственных формах реализации социальной власти разговор о различиях. Заметим, что различие, результатом которого становится формирование образов множества различий, обеспечивающих дифференциацию объектов, как логическая процедура лежит в основе любого «расчерчивания» топографических или социальных пространств, предшествует маркировке любого места как другого. В этом смысле все места являются другими по отношению друг к другу, все места, если уж наше сознание как-то их дифференцирует, наделяются различиями разнообразного толка. На наш взгляд, это не увеличивает, а снижает эмпирический потенциал использования понятия и заметно отклоняется от фуколтианского представления о гетеротопиях как о «сингулярных пространствах, какие мы находим в некоторых социальных пространствах, и функции этих сингулярных пространств отличаются от функций тех, в которых мы их находим, и даже диаметрально противоположны им» [4, с. 232]. Этот пассаж подтверждает возможность более узкого употребления термина, так как сама идея сингулярности очевидно указывает на исключительный статус определенных топосов (здесь и далее слово «топос» используется в значении «место») внутри некоторого социального мира, причем их функции отличны или противоположны тем, которые транслируются этим миром. Они оппозиционны, противоположны сразу многим местам, и противоположность эта – только одно из отношений, которыми они связаны с ними. Фуко пишет, что «<...> они соотносятся со всеми остальными местоположениями, но таким образом, что приостанавливают, нейтрализуют или переворачивают всю совокупность отношений, которые тем самым ими обозначаются, отражаются или рефлектируются» [5, с. 195]. В этом «узком» и, как представляется, все же более фуколтианском смысле, тюрьма, корабль или публичный дом гораздо более гетеротопии, чем пикник или городской сквер (подчас именуемые гетеротопиями городской среды).

В эссе «Другие места» М. Фуко обозначаются некоторые основания, позволяющие не столько точно определить суть понятия и выделить гетеротопии из череды разнообразных местоположений, сколько обеспечить возможность их первичного «прочтения», обозначить ориентиры, которые могут стать значимыми для истолкования гетеротопий. Философ называет их принципами описания, хотя в одних случаях речь, действительно, идет о принципах, в других – о дифференциальных признаках некоторых типов гетеротопий. Конспективно (не претендуя на абсолютное соответствие всем нюансировкам смыслов) обозначим их следующим образом: 1. Принцип (*признак*) исключенности (кризисные и девиантные гетеротопии, сакральные местоположения); 2. принцип трансформации культурной и социальной роли гетеротопии, ее культурно-исторической обусловленности и изменчивости; 3. принцип (*признак*) совмещения в одном месте (гетеротопии) нескольких различных местоположений (гетеротопия театра, кинотеатра); 4. принцип трансформации/уничтожения «традиционного времени»: время Фуко понимается то субстанционально, то метафорически, однако сама идея манипулирования представлением о времени, игры «образами времени» внутри гетеротопий кажется продуктивной (почти в каждой из называемых Фуко гетеротопий происходит или «захват» личного времени индивида, или трансформация «традиционного» времени, иногда время из измерения бытия превращается в артефакт и т. п.); 5. принцип границы (принцип описания, функционирования, символических репрезентаций границы гетеротопии); 6. принцип (*признак*) частичного или временного преодоления несовершенства социального

мира (компенсаторные гетеротопии, гетеротопии производства иллюзий). К этому перечню логично было бы добавить и принцип сингулярности.

В настоящей статье внимание сосредоточено в первую очередь на образах *гетеротопий исключения* как вполне воплощающих узкий смысл понятия и отражающих исходный посыл Фуко об отношении общества и субъекта. Рассматриваемая нами гетеротопия (*гетеротопия исключения*) – пространство, в котором реализуются отношения общества и индивида (не имеющие, очевидно, простой субъектно-объектной природы), в котором происходит субъективация и ресубъективация лица и объективация социальных регламентов в разнообразных практиках, апеллирующих к изъятию, ограничению, управлению поведением; «субстанциализация» и структуризация социальных отношений в пространственных формах также подчинены идее контроля. У Фуко обычно это пространства дискриминации, принуждения, отчуждения, исключения (характеристики, обращение к которым в настоящем обычно порождает чувство социальной тревоги, и с легкостью адресуется только прошлому) – шире – контроля и управления (которые могут осуществляться и в других, более мягких или более жестких, формах), что не обязательно происходит в тюрьмах, психиатрических лечебницах, закрытых учебных заведениях, хотя именно эти миры интересовали М. Фуко в первую очередь. *Гетеротопия исключения* как, в полном смысле, Другое (чужое) пространство – это фокус, в котором лучи социального, преломляясь, вдруг извлекают из глубины некоторые коренные свойства общественной организации и самоорганизации, и в этом случае наиболее «гетеротопическими» оказываются места, отвечающие субъективному представлению о «необходимости» (в сознании индивидов они суть неизбежное или необходимое), однако отторгающие и отторгаемые, дистанцирующие и дистанцируемые, стремящиеся к унификации своего «содержимого», управляющие временем индивидов и в пределе стремящиеся к аннулированию их личного времени, произведенные таким образом, чтобы осуществление контроля за находящимися «внутри» было максимально облегчено, это места, обладающие регламентированной системой правил перемещения внутрь и наружу и формализованных и неформализованных правил нахождения внутри. Граница современной гетеротопии исключения – это не всегда стена, она может иметь сугубо «виртуальную» природу, но ее преодоление также чревато заметными социально-культурными следствиями и накладывает на «обитателя» гетеротопии символический отпечаток. Важно, что для всех гетеротопий исключения характерна высокая степень изолированности наблюдателя от наблюдаемого им пространства гетеротопии и *радикальная*, почти абсолютная, исключенность «обитателя» гетеротопии из всех остальных действительных местоположений, доступных наблюдателю. Несанкционированное нарушение границы такой гетеротопии чревато скандалом, с точки зрения общества, это проступок или преступление.

При этом гетеротопия исключения может быть временным пристанищем, местом посещения, но она всегда сохраняет свою изолированность и специфическую исключительность. Иными словами, гетеротопия исключения не просто место, иное по отношению к другим местам, – это абсолютно общее свойство всех мест, в которых протекает человеческая деятельность, дающее возможность собственно и дифференцировать каждое из них, – это место, в котором реализованы в полноте, едва ли ни в точке критического максимума, господствующие представления о контроле и порядке, о норме, структуре социального мира, где часто телесная свобода индивида стремится быть сведенной к минимуму только потому, что это место – опространствленная квинтэссенция социальности в том ее аспекте, который обеспечивает воспроизведение определенного формата социальных отношений (подчинения и контроля) – существует не для человека, оно в наименьшей степени, по сравнению со многими другими местами, полагает индивида своей целью или субъектом, а является воспроизводящей социальные закономерности средой.

В этом смысле кладбище, притягивающее взгляд Фуко, не столько гетеротопия, сколько идеальная модель гетеротопии исключения: здесь произошло полное нивелирование субъекта, абсолютизация границы, безусловная завершенность исключения и аннулирование личного времени, унификация предметной организации пространства. Заметим, что это именно модель, но не сама гетеротопия, так как, создавая визуальную картину тотального контроля, это пространство не продуцирует контроль, оно продукт социальности, но не ее продолжение или среда воспроизводства (хотя Ф.М. Достоевский и сумел развить этот образ, используя, в некотором смысле, «обратную перспективу»), и трансформировал пространственную модель гетеротопии в персонифицированное загробное бытие социальности («Бобок»)).

Добавим также, что гетеротопичность (именно в указанных выше смыслах) может рассматриваться как свойство некоторых пространств, в чистом виде гетеротопиями исключения не являющихся, однако имеющих многие их признаки (возможно, одна из причин некоторой зыбкости концепции гетеротопии М. Фуко является и эта «рассеянность» гетеротопического в его разных формах, способность проявлять себя в большей или меньшей степени и уходить от фиксации). Например, характерные черты гетеротопий исключения имеют учебные заведения, учреждения санаторно-курортного типа, лагеря отдыха и места, подобные им. Интересна особая категория пространств – топосы перемещений, обладающих некоторой выраженностью признака исключенности, (Фуко упоминает корабль, однако любой вид транспорта – автобус, поезд, самолет – имеет подобные ему свойства: наличие физической и символической границы (билетный контроль), внутренних правил, регламентов и сопровождающее пересечение границы появление новой социальной роли, налагающее определенные обязательства, ограничение физической свободы и уменьшение возможностей управления временем, привычно не замечаемые индивидами). Тюрьма, психиатрическая больница, закрытые военизированные учреждения и т. п. – истинные гетеротопии исключения. Граница между «истинными» и «неистинными» гетеротопиями достаточно условна, она устанавливается нашими представлениями о смыслах и степенях свободы и подчинения, об их необходимости, приемлемости или допустимости.

Таким образом, надеемся, понятие *гетеротопии исключения* используется нами в значении, основная конфигурация которого задана фуколтианской парадигмой или, как минимум, не противоречит ее социально-философскому содержанию.

Художественная и документально-художественная литература как существенная часть культурно-социального поля включает в себя его элементы тем или иным образом: «схватывает» их, интерпретирует, преломляет, имплицативно запечатлевает. В том числе и «опространственные» формы социальных отношений, образы местоположений с привязанными к ним социальными и культурными практиками. Художественный дискурс отражает представления о социальной функции пространств и их устройстве. Несмотря на то, что литература одинаково внимательна и к художественным пространствам, имеющим прототипы в мире действительном, и к пространствам-утопиям, в настоящей статье речь идет об изображении «действительных» пространств, созданных или переструктурированных человеком и представляющих собой гетеротопии исключения в обозначенном выше смысле. Это те пространства, которые отличаются сингулярностью, существенностью отличия/противоположности большинству иных топосов и самому социальному миру, каким он предстает для наблюдателя, словно бы отвергаемые или иначе дистанцируемые, однако одновременно удерживаемые им. Это местоположения реализации отношений контроля, управления, подчинения, выступающих в них более явно и определенно, чем в иных местах; для них значимо наличие границы, пересечение которой регламентировано и существенно изменяет ситуацию социального субъекта. Напомним, что индивид, погруженный в пространство гетеротопии исключения, ее «законный обитатель», не способен покинуть его по своей воле в избранный им момент, и каждая попытка подобного рода обретает статус

вызывающего, неординарного события. Это не относится к случайному посетителю, наблюдателю, но и его перемещение по гетеротопии регламентировано и подчинено некоторым правилам.

Литература о путешествиях, на первый взгляд, представляет достаточный интерес для анализа возможностей использования понятия гетеротопия в его узком значении, так как в большинстве подобных произведений читатель имеет дело с нарративом, в котором выбор изображаемых мест слабо детерминирован потребностями сюжетного движения. Динамика и направление основного сюжета в путевых записках, романах-путешествиях определяется физическим перемещением повествователя. Топос в этом случае оказывается объектом изображения более, чем средством. Разумеется, ни о какой идеальной независимости повествователя в выборе и способах репрезентации места, на котором фокусируется его взгляд, речь не идет, однако эта «тенденциозность» несколько иного плана, гораздо более прочно связанная с социальной природой субъекта повествования, его исторически обусловленным этическим, эстетическим и иным опытом, чем с требованием событийно-идеологической художественной цельности, подчиняющим изображение пространства иным задачам. Это «схваченный» текстом отбор мест интересен еще и тем, что отражает принципы, основания социального различия в топографическом пространстве. Сам выбор художника, расщепляемый в интерпретации на потоки «очевидно» явленного в тексте и неочевидного, «инкриминируемого» тексту, со всем множеством промежуточных областей смысла, здесь становится показательным. Еще раз подчеркнем: в центре анализа не все художественно интерпретируемое топографическое разнообразие, а только топосы, имеющие признаки гетеротопий исключения, и близкие им местоположения.

Предмет исследования: путевые заметки И.В. Гёте, наброски, сделанные уже состоявшимся известным писателем о своем путешествии из Германии в Италию в 1786–1788 гг. и записки Н.М. Карамзина, путешествовавшего по Европе в 1789–1790 гг., известные как «Письма русского путешественника».

Гетеротопические пространства «Итальянского путешествия» И.В. Гёте остаются достаточно обширными, даже если исключить из них все места, не отвечающие узкому содержанию категории *гетеротопия*. Это сингулярные местоположения, меняющие свой лик и саму сущность под влиянием истории, но замершие под взглядом наблюдателя в одном из ее моментов, очерченные границами, пересечение которых подчинено правилам, сопряжено с соблюдением условий, средоточия специфических социально-культурных практик, трансформирующие, в каждом случае по-особому разыгрывающие отношения субъекта и времени: Дворец Дожей в Венеции, опера у св. Моисея, папская часовня на Монте-Кавалло в День поминовения усопших, Колизей, праздник св. Иосифа в Неаполе, корвет, на котором путешественник отправляется на Сицилию, конские ристания. Среди этой череды привлекающих повествователя пространств редки вкрапления *гетеротопий исключения*. Взгляд путешественника избирательно минует картины, не уместные в художественном произведении, соответствующем определенным эстетическим и этическим клише, как не достойные быть объектом изображения. Это «неотражение» вторично исключает уже исключенное, отторгнутое, становится знаком изъятия, означающей пустотой, указывающей на топосы, выпадающие из обозреваемого пространства. Вспомним критические высказывания И.В. Гете о подобных местоположениях, изображенных Гвидо: «Если божественный дух Гвидо, его кисть, словно бы созданная запечатлеть лишь совершеннейшее из того, что нам дано видеть, влечет нас, то все же спешишь, браня его на чем свет стоит, *отвести глаза от этих омерзительно глупых сюжетов, унижающих человеческое достоинство; анатомический театр, эшафот, живодерня* <...>» [6, с. 57] (курсив наш). Итак, этическая установка требует «отвести глаза» от гетеротопий исключения, и, вероятно, это одна из

значимых причин, по которой образы мест данного типа так малочисленны в повествовании о путешествии по Италии. Исключение – Дворец правосудия в Вероне: «Из-за высоты зданий двор казался глубочайшим колодецем. «Здесь, – сказал он, – содержатся все преступники и подозреваемые». Я огляделся. По всем этажам мимо множества дверей шли открытые галереи с железными перилами. Узник, которого вели на допрос, прямо из своей камеры оказывался на открытом воздухе, но и у всех на глазах. А так как комнат для допроса здесь, вероятно, было немало, то цепи гремели на всех этажах и на всех галереях. Очень тяжелое впечатление!..» [6, с. 33]. Описание гетеротопии не нейтрально, перед читателем образ замкнутого, лишённого света пространства «колодца», напоминающего паноптикум Бенгама, впрочем, только отчасти – Дворец правосудия, открывая выводимого на допрос заключённого взорам всех, тем не менее, не скрывает того, кто олицетворяет власть. Предметная атрибутика данной гетеротопии – цепи; социально-ролевая атрибутика – «преступники», «подозреваемые», «узники». Пространство унифицировано, однообразно, лишено сложных элементов, подчинено идее контроля. Кажется, что оно открылось достаточно взгляду праздного наблюдателя, чтобы тот печально мог констатировать: «тяжелое впечатление!», однако его истинное «содержание», скрыто за множеством дверей и позволяет только предполагать себя. Между случайным посетителем и социальными практиками, тревогами и ожиданиями, наполняющими этот «колодец», бездна незнания друг о друге, наилучшим образом обеспечивающая исключение. Даже находясь внутри, в непосредственной близости от этого мира, путешественник остается исключённым из него, как и обитатели гетеротопии абсолютно исключены из тех пространств, к которым через мгновение возвращается повествователь.

Чрезвычайно интересен образ гетеротопии исключения, переосмысливаемой в духе уличного театрального действия: бутафорский эшафот в Палермо, к которому ведут помилованного по случаю святой недели преступника, повествователь замечает: «<...> если бы еще украсить его пестрыми лентами, он в обличье пастушка был бы уместен на любом маскараде» [6, с. 127]. Этот фрагмент достоин внимательного рассмотрения. Начинается он словами ликования: «<...> теперь к окну или на улицу!», которые дают понять читателю, что открывающееся зрелище радует взор рассказчика, в отличие от лицемерия реальных гетеротопий исключения. Кажется возможным предположить, что гетеротопия исключения, трагедийная, комически сниженная образом преступника-«пастушка», полностью лишённая своей власти над жизнью и смертью индивида, возвращённой к ее действительному источнику, не просто утрачивает свою тревожащую исключительность; в глазах наблюдателя она превращается в зрелище радостное, доставляющее удовлетворение потребности в гуманности, возможность которой подтверждается не столько игровым преобразованием самого пространства, восходящим к определенным культурным практикам, сколько фигурой помилованного, включённого в него в новой роли. Действительные для гетеротопии исключения подчинение телесности, контроль над жизнью и смертью семиотируются и, перенесенные в символический план, аннулируются.

Гораздо более разнообразно представлены гетеротопии исключения Н.М. Карамзиным, который чрезвычайно внимателен к социально-культурной истории сообществ, социальным практикам, фиксируемым им в историческом или комическом анекдоте, описании-наблюдении и эмоционально окрашенном описании-впечатлении. Впрочем, и от Карамзина не следует ожидать тщательного описания гетеротопий исключения как таковых вне исторического прошлого или особой этической установки, избирательно освещающих одни места и оставляющих в тени другие: не интересные с точки зрения рассказывания поучительной истории, намёка, исторического случая, просвещения гетеротопии исключения не попадают на страницы «Писем...». Однако мест, тем или иным образом ограничивающих свободу индивида, сконструированных так, чтобы упростить контроль над ним, представлено в произведении Карамзина достаточно много.

Приведем несколько примеров. Одним из наиболее ярких является описание еврейского гетто во Франкфурте, в котором социальный эффект исключения, отторжения вполне осознанно выводится рассказчиком на первый план: «Жидов считается здесь более 7 000. Все они должны жить в одной улице, которая так не чиста, что не лезя итти по ней не зажав носу. Жалко смотреть на сих несчастных людей, столь униженных между человеками! <...> По Воскресеньям, в тот час, когда начинается служба в Христианских церквах, запирают их улицу, и бедные Жиды как невольники сидят в своей клетке до окончания службы; и на ночь запирают их таким же образом. Сверх сего принуждения, естли случится в городе пожар, то они обязаны везти туда воду и тушить огонь» [7, с. 88]. Путешественник – посетитель гетто (судя по предыстории появления писем не случайно оказавшийся на этой франкфуртской улице) наблюдает за открывающимися картинами извне и в буквальном, и в метафорическом смыслах – с точки зрения ненадолго зашедшего по своим делам на еврейскую улицу путника и из культурной позиции просвещенного человека, гуманиста. Отсюда сочувствие, выраженное в языке («жалко смотреть», «несчастных», «бедные») и обращение к вещной, предметной, угнетающей и унижающей телесной природе гетеротопии (нечистота, запах, тусклые светильники в синагоге). Как уже упоминалось, граница в гетеротопиях исключения единоправно реализует функцию физического отделения субъекта гетеротопии от внешнего мира, исключения его из иных пространств, оказывающихся абсолютно недоступными на время, которым он не управляет. Об этом пишет Карамзин, сообщая читателю, что гетто запирается на ночь и на время воскресной службы. Обратим внимание и на слово «принуждение», использованное повествователем – ключевое для описания функционирования гетеротопий исключения (возможно, несколько более сложная ситуация возникает в сакрализованных гетеротопиях этого типа) как местоположений, в которых подавление и ограничения почти полностью изгоняют свободу или сообщают ей совершенно особый оттенок временности и неполноты.

Отдельного описания, с точки зрения автора, заслуживает и тюрьма Кингс-Бенч, в которой содержатся должники: «Вообразите большое место, обнесенное высокою стеною; несколько маленьких домиков, бедно прибранных; множество людей неопрятно одетых, из которых одни ходят в задумчивости по маленькой площади, другие играют в карты или, читая газеты, зевают: вот Кингс-Бенч! <...> есть лавки, в которых покупают и продают заключенные; есть и кофейные дома, которых содержатели сами за долги содержатся в Кингс-Бенче – это довольно странно! Портные, сапожники, и самыя Нимфы Венерины, там сидящая, отправляют свое ремесло» [7, с. 341]. Сжато, неполно, однако в некоторых своих чертах верно описанная гетеротопия, которая едва ли не буквально «переворачивает» и отражает общественные отношения. Это закрытый мир, который – что наблюдателя удивляет (и это, вероятно, искреннее недоумение, а не «маска скифа» [8, с. 123]) – мало отличим от мира внешнего: он воспроизводит его ценности, экономические отношения, режимы общения и даже топографию. На первый взгляд кажется, что перед нами ложная гетеротопия исключения, являющаяся тюрьмой только номинально: в этом пространстве не больше физического насилия и ограничений, чем во внешнем. Однако все время заключенных в Кингс-Бенч подчинено одной цели – возвращению долга, оно больше не принадлежит им, время поступило в полное распоряжение кредиторов и закона. Это топос принуждения к производству денег во благо кредиторов, жестокий к тем, кто не может участвовать в этом процессе. Писатель не фокусирует взгляд на насильственности поселения, на важности денег, которые единственно определяют степень свободы «поселенцев», однако отмечает наличие высокой стены – границы гетеротопии и общей бедности, которая и объединяет всех осужденных, и является причиной их нахождения здесь.

Образ Бедлама становится точкой концентрации всех признаков гетеротопии исключения и, одновременно, оптикой, которая, преломляя позицию наблюдателя, разоблачает

прочность связей между гетеротопией и обществом. В пространстве Бедлама путешественник отмечает границы внешние и внутренние; внешняя граница обозначена символически двумя скульптурами, обозначающими «безумие печальное и свирепое», внутренние границы многожды делят пространство замка изнутри, создавая зоны ограничения физической свободы: «Предлинные галереи разделены железной решеткою: на одной стороне женщины, на другой мужчины» [7, с. 341], «<...> иные прикованы к стене» [7, с. 342]. Это зонирование и сдерживание воспроизводит социальные нормы иного по отношению к лечебнице мира – мира разума. Мы наблюдаем за пространственными способами управления гендерными отношениями и безопасностью, которые материализуются здесь в формах абсолютного ограничения. Признание индивида безумцем или преступником становится основанием создания для него и ему подобных специфически организованного топоса, в котором максимально реализуются принятые обществом представления о необходимом контроле. Дистанция между рассказчиком и обитателями Бедлама колеблется, сентименталистская установка производит разметку социального пространства безумия: одни сумасшедшие помещаются ею на границу нормы, образы этих безумцев – жертв «страсти» – драматичны, они вызывают сочувствие; другие вызывают смех; третьи дегуманизируются, и даже помещение на цепь не кажется рассказчику мерой, излишней по отношению к некоторым «бешеным». Субъект здесь существует в условиях ограничения физической активности как субъект иллюзий и переживаний, это одна из немногих доступных ему степеней свободы, форма, в которую отлита его воля. Об этом замечательно изящно: «И так нежнейшая страсть человеческого сердца и в самой безумии занимает еще *всю душу!* сон для внешних предметов все еще продолжается!» [7, с. 342]. Субъекты действия, активно обращенного во вне, в этом пассаже Карамзина – это либо «бешеные», либо «смирные» больные. Завершается описание лечебницы для душевнобольных уже подготовленным трагическими образами безумных страдальцев размышлением об истоках безумия, как продукта эпохи, производящей многочисленные образцы чрезмерной чувствительности, следуя которым люди попадают в дома сумасшедших.

В русле размышлений об изображении гетеротопий исключения в литературе путешествий представляется интересным рассмотреть наблюдателя гетеротопии как позиции, детерминируемой социальной и/или эстетической установкой повествователя, которая может быть и элементом его образа, и прямо производной от собственной точки зрения автора, то и другое сложно сопряжено с социально-культурным пространством производства и интерпретации текста, с социально-культурным и интеллектуальным опытом писателя, с «нарративными прецедентами» автора, читателя, критика. Аналогичные проблемы преломления и «пересоздания» социального художественным нарративом рассматриваются в ряде междисциплинарных исследований, в том числе предпринятых при участии автора настоящей статьи [9; 10].

Итак, в статье была предпринята попытка проанализировать сущность категории *гетеротопия* и возможности использования понятия в его узком значении, наиболее отвечающем философской позиции М. Фуко, в процессе интерпретации произведений о путешествиях. Литература о путешествиях как поле текстов, обращенных к топографической реальности, зачарованных пространствами, выглядит благодатным материалом для диалога о местоположениях, нагруженных устойчивыми социальными смыслами, местоположениях, являющихся особенными по сравнению со многими другими местами, имплицитно воплощающими, моделирующими и воспроизводящими те или иные основания социальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Квят Александра Георгиевна «Все будет иначе»: городской пикник как гетеротопия // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. №388. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vse-budet-inache-gorodskoy-piknik-kak-geterotopiya> (дата обращения: 25.12.2018).
2. Dehaene M., De Cauter L. Heterotopia in a postcivil society / Ed. M. Dehaene, L. De Cauter // Heterotopia and the city. Public space in a postcivil society. – London: Routledge, 2008.
3. Cenzatti M. Heterotopias of Difference // URL: https://www.researchgate.net/publication/305469462_Heterotopias_of_Difference (дата обращения: 10.08.2018).
4. Фуко М. Пространство, знание и власть // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Пер. с франц. Б.М. Скуратова под общей ред. В.П. Большакова. – М.: Праксис, 2006. – Ч. 3. – 320 с. – (Серия «Новая наука политики»).
5. Фуко М. Другие пространства / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2006. Ч.3. С. 191–204.
6. Гете И.В. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 9. Воспоминания и встречи Пер. с нем. Под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. Комментар. Н. Вильмонта. – М., «Худож. лит.», 1980. – 495 с.
7. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Ленинград, Издательство «Наука», 1984. – 717 с.
8. Лотман Ю.М. Карамзин. – С.-Петербург: Искусство-СПБ, 1997. – 832 с., 3 л. ил.
9. Лазаренко Л.В., Старыгина Г.М., Кунгушева И.А. Лингвистическая репрезентация социального дискурса в художественном нарративе (на примере анализа языковых маркеров семантической структуры «родство» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот») // Культура и искусство. – 2018. – № 12. – С. 52–61. DOI: 10.7256/2454-0625.2018.12.28201. URL: http://e-notabene.ru/pki/article_28201.html.
10. Лазаренко Л.В. Психология персонажей Ф. Достоевского как пограничное бытие субъекта в ситуации социальной «принужденности» // История российской психологии в лицах: Дайджест – 2018 – № 6. С. 40–48.

Lazarenko Lyubov Vitalyevna

Russian state university named A.N. Kosygin (Technologies. Design. Art), Moscow, Russia
E-mail: lazarenko.kashtan@yandex.ru

On the issue of empirical possibilities of using the category “heterotopy” in the process of interpreting a literary text (on the material of “Italian Journey” by I.V. Goethe and “Letters of a Russian Traveler” by N.M. Karamzin)

Abstract. In the article, the main object of research is the Foucaultian category of heterotopy, considered in its broad and narrow – more empirically productive – meaning. Foucault himself heterotopy was defined only "framework", they have not developed a consistent theory of spaces. Perhaps Foucault only outlined the future possible territory of socio-philosophical research, the object of which could be the structure, functions, interpretation of locations. The use of the concept of heterotopia in a narrow sense relies on the idea of a singularity, indicating the exceptional status of some topos within the social world; these locations are the image or quintessence of certain social mechanisms, sometimes of its very foundations. This article focuses primarily on the images of heterotopy exclusion as fully embodying the narrow meaning of the concept and reflecting Foucault's initial message about the relationship between society and the subject. The heterotopia of exclusion is the space in which the subjectivation and resubjectivation of a person and the objectification of social regulations occur in a variety of practices that appeal to the withdrawal, restriction, management of the behavior of individuals. At the same time, exclusion heterotopia may be a temporary haven, a place of visit, but it always maintains its isolation and specific exclusivity. This is not just a place different from other places, it is a place where the concepts of control and order, the norm, the simplified structure of the social world that prevail within a given epoch or another, are implemented at the critical maximum point.

Travel literature as a field of texts enchanted with spaces seems to be fertile material for a dialogue about locations loaded with stable social meanings, locations that are special compared to many other places that implicitly embody, model and reproduce certain foundations of sociality. The possibility of using the concept of heterotopia for the critical interpretation of a literary text was investigated on the material of the “Italian Journey” by I.V. Goethe and the “Letters of the Russian Traveler” by N.I. Karamzin. In the process of analysis, the main object of attention was the image in the named texts of exception heterotopies.

Keywords: heterotopia; exception heterotopia; sociality; artistic space; Goethe; Karamzin; travel literature

REFERENCES

1. Cyberleninka.ru. (2014). *Kvyat Alexandra Georgievna "Everything will be different": urban picnic as a heterotopy*. [online] Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vse-budet-inache-gorodskoy-piknik-kak-geterotopiya> (in Russian) [Accessed 25.12.2018].
2. Dehaene M., De Caeter L. (2008). *Heterotopia in a postcivil society. Heterotopia and the city. Public space in a postcivil society*. London: Routledge.
3. Researchgate.net. (n.d.). *Cenzatti M. Heterotopias of Difference*. [online] Available at: https://www.researchgate.net/publication/305469462_Heterotopias_of_Difference [Accessed 10.08.2018].
4. Fuko M. (2006). *Space, knowledge and power*. [Russ. ed.: Prostranstvo, znanie i vlast'. Authorized transl. by B.M. Skuratov; Ed. by V.P. Bol'shakov. Moscow: Praxis, p. 320].
5. Fuko M. (2006). *Drugie prostranstva. [Other spaces.]* Moscow: Praxis, pp. 191–204.
6. Gete I.V. (1980). *Collected Works. In ten volumes. Volume 9. Memories and meetings*. [Russ. ed.: Sobranie sochineniy. V desyati tomakh. Tom 9. Vospominaniya i vstrechi. Ed. by A. Anikst, N. Vil'mont. Moscow: Fiction, p. 495].
7. Karamzin N.M. (1984). *Pis'ma russkogo puteshestvennika. [Letters of a Russian traveler.]* Leningrad: Nauka Publishing House, p. 717.
8. Lotman Yu.M. (1997). *Karamzin. [Karamzin.]* Saint Petersburg: Art-SPB, p. 832.
9. Lazarenko L.V., Starygina G.M., Kungusheva I.A. (2018). Linguistic representation of social discourse in the artistic narrative (on the example of the analysis of language markers of the semantic structure of "kinship" in the novel by F.M. Dostoevsky "Idiot"). *Culture and Art*, [online] 12, pp. 52–61. Available at: http://e-notabene.ru/pki/article_28201.html (in Russian) DOI: 10.7256/2454-0625.2018.12.28201.
10. Lazarenko L.V. (2018). Psychology of the characters of F. Dostoevsky as a borderline being of a subject in a situation of social "compulsion". *History of Russian psychology in persons*, 6, pp. 40–48 (in Russian).